

Верой и правдой

Василий Журавлев

Удивительно, как много связывает историю становления молодого петровского флота с моряками, рожденными на берегах Бока-Которской бухты. Ранее мы писали о том, как возникли и развивались эти связи. Наш сегодняшний рассказ — о славных воинах, истово и честно служивших России, о тех, кого мы обязательно должны помнить.

Здание старой навигационной школы сохранилось. Этот красивый двухэтажный дом в итальянском стиле из потемневшего камня находится в самом конце набережной Пераста. Теперь в нем расположился филиал морского музея в Которе. Экспозиция его меньше, зато здесь можно увидеть знамя, подаренное царем Петром I адмиралу Матию Змаевичу.

В Россию Змаевич попал не от хорошей жизни. Он родился в Перасте в зажиточной семье потомственного капитана. Родной дядюшка был влиятельным архиепископом. Капитанский сын учился грамоте во французской школе, затем изучал навигационные науки в школе Мартиновича в Перасте. В 18 лет он уже командовал галерой на венецианском флоте. Но случай изменил всю его жизнь: во время побывки молодого капитана в родном городе был убит его родственник — бывший муж его сестры Марии. По слухам, Змаевич был как-то причастен к этому делу и, не дожидаясь разбирательств, предпочел исчезнуть. Сначала он бежал в соседний Дубровник, а затем — в Константинополь, где был арестован и брошен в тюрьму, но ненадолго. После освобождения отправился напрямик к русскому послу в Османской империи — графу Толстому. Неожиданного посетителя посол принял радушно, вспомнил Пераст и славного учителя своего гостя, а потом направил Матию лично к русскому царю, однако не в Санкт-Петербург, а в Карлсбад (Карловы Вары. — Прим. ред.), где в то время был самодержец. Царь там же, «на водах», учинил беглому капитану экзамен и остался вполне доволен его познаниями в навигационных науках. Его приняли на службу на Балтийский флот в чине капитана 1-го ранга. В Северной

столице черногорец сразу получил под командование галеру, да не какую-нибудь, а ту, что сам выбрал из всей флотилии!

Змаевич быстро выдвинулся и стал вскоре одним из самых преданных помощников царя в создании русского флота на Балтике. Он отличился в битве при Гангуте в 1714 г. Царь уважал своего черногорского капитана и в 1716 г. даже отправил венецианскому правительству послание с просьбой отменить изгнание Змаевича и вернуть конфискованное имущество. Чем дело кончилось, неизвестно, но Змаевич никогда больше не был в родном Перасте, где мог получить удар ножом: кровная месть здесь была в обычае.

В 1719 г. капитан получил повышение: его назначили главным инспектором галерного флота. К тому времени черногорец обзавелся не только высокой должностью, но и отчеством: он стал Матвеем Христофоровичем (его отца звали Крсто, то есть Христофор).

В 1721 г. Змаевич стал членом адмиральской коллегии, а в 1725 г. получил орден Святого Александра Невского. По воспоминаниям современников, именно «Христофорыч» по всей строгости подвергал выпускным испытаниям гардемарин в Морской академии.

Вскоре Петр направил Змаевича в Воронеж, где ему надлежало построить верфи, чтобы южному «флоту быть». За усердие в исполнении царева наказа в 1727 г. Змаевича

94 произвели в чин адмирала.

После смерти царя-благодетеля для черногорца наступили трудные времена. Удача отвернулась от Змаевича: недруги адмирала обвинили его в растрате казенных денег и злоупотреблении властью. Змаевича наказали, сослав в астраханские губернаторы. Можно было теплолюбиво-го черногорца и в Сибирь отправить, но для назревающей русско-турецкой кампании нужны были новые галеры, и вскоре адмирала вновь послали строить корабли...

Змаевич умер в 1735 г. в с. Таврово под Воронежем, где в те времена располагались верфь и Адмиралтейство. Похоронили его в Москве, но точное место захоронения неизвестно. Одна из легенд гласит, что его прах перенесли на родину, куда ему живым возврата не было.

Иначе сложилась судьба Марко Ивелича — черногорца, ставшего русским графом и сенатором. Родился он в городке Рисане, что рядом с Перастом. Графский дом Ивеличей — то немного из старинной архитектуры, что сохранилась в Рисане с тех далеких времен до наших дней. Вскоре после того, как в Средиземное море вошла русская эскадра адмирала Сенявина и началась эпопея Архипелагской губернии, Ивелич явился к графу Орлову и был принят на русскую службу.

Марко Ивелич

В это же время мичманом на только что сошедший со стапеля 66-пушечный фрегат «Св. Георгий Победоносец» поступил Марко Войнович, еще один черногорец с берегов Бока-Которской бухты. Оба которца сделали карьеру в России: первый получил графский чин, генеральское звание и должность сенатора, второй стал адмиралом — одним из первым командующих Черноморским флотом.

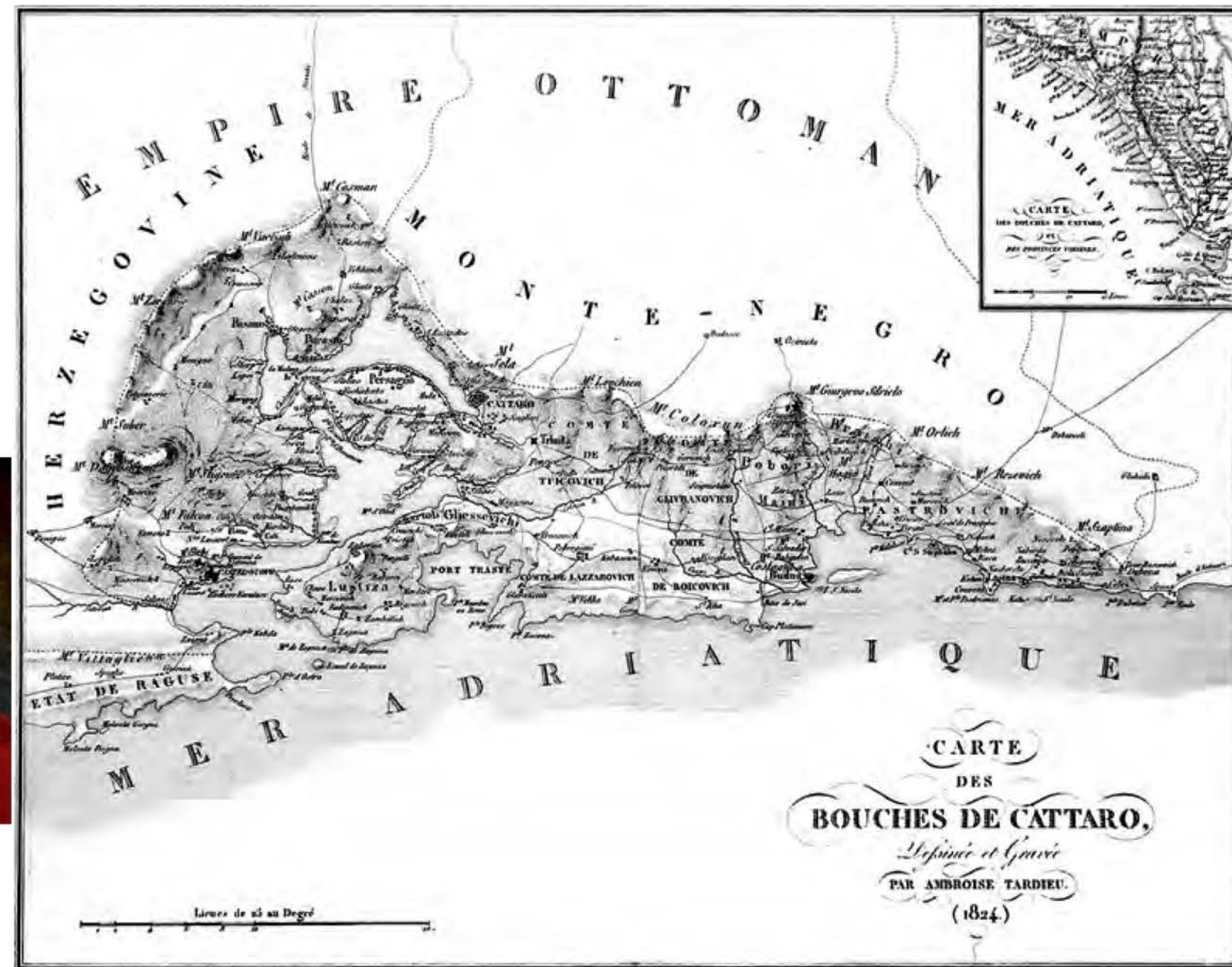
В это время Черногория пользовалась всеми благами автономии, хотя официально находилась под управлением Австрии, — на тех же условиях, что и некогда правила в Боккеди-Каттаро Венеция. Славянский народ совершенно не стремился перейти под власть «итальянского короля» Бонапарта, которому уступил эту область после поражения под Аустерлицем австрийский император. Бокезцы искали себе более надежного покровителя и видели на его месте только Россию. Они радостно приветствовали весть о том, что русский флот снова появился в Средиземном море и крейсирует у Корфу.

Марко Войнович

Ценность Бока-Которской бухты была очевидна. В феврале 1806 г. в бухту вошли три русских корабля: линейный корабль «Азия», фрегат «Михаил» и шхуна «Экспедицион». На берегу уже активно действовал отряд черногорских ополченцев. Командир небольшой эскадры капитан Белли высадил десант и объединил сухопутные силы с бокезцами. Австрийский губернатор маркиз де Гизильери получил от русского командира редкий по требуемой скорости исполнения ультиматум: сдать все восемь крепостей

Дворец Ивеличей в Рисане

Карта устьев Котора, исполненная Амбруазом Тардьё в 1806 и 1807 гг. и отпечатанная в Париже в 1824 г.

с австрийскими гарнизонами, который и был исполнен. Крепости были заняты русскими матросами. Отслужив молебен в присутствии местного патриарха, они предложили черногорцам (так же, как и ранее грекам на Кикладах) принять русское подданство. Большинство черногорцев согласились. Так Бока-Которская бухта на целый год оказалась российской территорией.

Ивелич стал в России Марком Константиновичем, а Войнович — Ивановичем. Оба они служили своей второй родине не за страх, а за совесть. Ивелич выполнял деликатные миссии: ему было поручено «бунтовать» соотечественников и всячески побуждать черногорцев к вооруженной борьбе против турок. Никто лучше «своего», к тому же знатного происхождения, с такой задачей бы не справился. Ивелич превзошел даже самые смелые ожидания русских стратегов: из добровольцев он создал 12 батальонов, которые под его началом

партизанили в тылу у турок. Ему удалось поднять бунт соотечественников даже тогда, когда битва при Фриланде была проиграна, а Бока-Которская бухта отошла французскому императору и надежд на изменение ситуации было мало.

Партизанская «герилла» на суше способствовала успехам Архипелагской экспедиции адмирала Сенявина на Средиземном море в 1807 г. На время удалось примирить сербов и турок, а затем Ивелич более полувек провёл на русской службе при трех императорах. И все же «помирать» старый вельможа отправился в свою горную страну: в возрасте 85 лет он скончался в Перасте.

